

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

3 (41)

Июль–Август–Сентябрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2013

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаиров*, д.п.н. *О. В. Гневэк*,
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.филол.н. *С. Г. Шулешкова*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2013
© Магнитогорский государственный университет, 2013
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2013

Веселова И. С. 1996: Покров Богородицы и бытование платка в русской женской субкультуре // ЖС. 3, 7–10.

Ерёмина В. И. 1978: Поэтический строй русской народной лирики. М.

Зеленин Д. К. 1994: Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 / А. Л. Топорков (ред.). М., 179–192.

Рожкова Т. И., Моисеева С. А. (сост.) 2000: Русские свадебные песни горнозаводских сёл Башкирии: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. Магнитогорск.

Рожкова Т. И., Моисеева С. А. (сост.) 2003: Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. Магнитогорск.

FEMALE DRESSY CLOTHES AS A SYMBOL OF TRANSITION TO
TRADITIONAL CULTURE OF YUZHNOURALSK AREA VILLAGES (BASED
ON THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY EXPEDITIONS)

S. A. Moiseyeva

The paper presents results of the investigation into one of the most expressive types of traditional clothes, namely, female dressy clothes of Russian villages in Beloretsk district of Bashkortostan. The author considers the attire as age- and gender-related code reflecting female social status transformation within the frame of time and space reference.

Key words: dressy clothes, age- and gender-related code, social status, regional culture, ritual and mythological functions

© 2013

Т. И. Рожкова

«ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ДЛЯ НИЗШИХ ЧИНОВ...» (1836 г.)
В. И. ДАЛЯ И «ЗАПИСКИ» Н. В. АГАПОВА (КОНЕЦ XIX в.):
К ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Записки казака Н. В. Агапова, рассмотренные в контексте правительственных преобразований в Оренбургском крае, позволяют дополнить представления о деятельности В. И. Даля в качестве чиновника по особым поручениям при губернаторе. Записки убедительно свидетельствуют, что книга В. И. Даля была принята в казачьих войсках и способствовала укреплению воинской культуры казачества.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, В. И. Даль, Н. В. Агапов, социальные регулятивы, воинская присяга и клятва, «наивное» письмо

Рожкова Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: robin.55@mail.ru

Исследователи оренбургского казачества не раз писали о том, что обустройство края, порученное И. И. Неплюеву в 30-е годы XIX в., определило особое внимание к региону со стороны правительства. Эта точка зрения высказана в ряде работ¹. Конкретное содержание совершенствования системы управления с конца XVIII до середины XIX в. обстоятельно прописано в книге Е. В. Годовой². Необходимость и сложность военно-административных преобразований на территории Оренбургского войска во многом была связана с событиями крестьянской войны 1775–1777 гг., обнажившей проблемы самого разного характера. В «Отчете» В. А. Перовского, занимавшего должность военного губернатора края с 1833 по 1842 гг., отмечалось, что хотя после бунта «все и затихло», но «тишина» в доверенной ему области не есть следствие «устройства, а только усталости и изнеможения». Задачу своей деятельности новый губернатор видел в том, чтобы «довести край до возможности стать на ряду с прочими областями Империи». «Из развалин прошедшего быта и зародышей новой гражданственности» губернатор предполагал «постепенно создавать порядок и частными мерами»³.

В Оренбург В. А. Перовский прибыл со своей «командой» летом 1833 г. В ней в должности чиновника особых поручений находился В. И. Даль. Разносторонняя деятельность врача, этнографа, писателя и лингвиста в Оренбурге неоднократно привлекала внимание исследователей, мы обратимся к одному сюжету его оренбургской биографии, к истории написания «Памятной книжки для нижних чинов императорских казачьих войск» (1836), оказавшей влияние как на творчество известного к тому времени литератора, так и на культурно-психологический облик оренбургского казачества.

Хотя на титуле «Памятной книжки» авторство не указано, сомнений оно не вызывает. В. И. Даль включает книгу в перечень своих сочинений, упоминает о ней в письмах к сестре. Сочинение не имеет литературного характера и подчинено задаче воспитания у нижних чинов казачьих войск социально желательного поведения. В «Отчете по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 год» В. А. Перовский включает издание в ряд своих «частных» мероприятий по обустройству края: «Приняты меры к обмундированию и вооружению всех казачьих

¹ В частности, А. В. Глинкин, А. И. Лазарев пишут: «...Оренбургское казачье войско с самого начала, т. е. со времени строительства первой Оренбургской оборонительной линии (20-40-е годы XVIII века), формировалось по желанию и под эгидой государства, под руководством властей – не так, как складывалось, например, Донское, Кубанское, Уральское войско: там все начиналось с «вольницы», со стихии, там сначала возникало братство «беглых людей», «удалых разбойников», охранявших границы государства по своему усмотрению, вступивших в конфликты с чужими королями и своими царями, и лишь потом, вследствие разных социально-исторических передраг, подчинившихся узде правительства; дух этой вольности никогда не был ведом оренбургским казакам» (Глинкин, Лазарев 1996, 6). Эту мысль поддержал журналист А. Иванов, который в масштабном культурном проекте «Увидеть русский бунт» высказал следующее мнение: «Это было первое полноценное казачье войско России, которое не зародилось само собой, а было целенаправленно создано властью» (Иванов 2012, 24).

² С 1798 года, пишет оренбургская исследовательница, губернаторы Оренбургского края вместе с атаманами Оренбургского казачьего войска работали над созданием документа, регламентирующего жизнь и службу оренбургских казаков: «Кропотливая работа, темпы которой в силу складывающихся обстоятельств то замедлялись, то становились более интенсивными, продолжалась в течение 37 лет, и, наконец, 12 декабря 1840 г. проект Положения об Оренбургском казачьем войске был утвержден» (Годовова 2007, 71).

³ ОР РНБ. Ф.571. Ед.хр. 13 С.5.

войск, к обучению их стрельбе, составлена особая памятная книжка для этих войск»⁴. Подробности работы над книгой вычитываются из писем Даля к сестре и его собственным заметкам, сделанным позднее.

7 марта 1836 г. В.И. Даль сообщает: «Я написал, по поручению начальства, «Памятную книжку для казачьих войск». Я очень любопытен, как это получилось, и как ее примут. Это народная книжка, написанная простым языком, в которой излагаются все правила и обязанности казака»⁵. Составляя роспись своих сочинений, напротив «Памятной книжки» он сделал следующую запись, разъясняющую причины данного ему поручения: «Правительство разослало в казачье войско, весьма некстати, **общую памятную книжку** (воинские правила, наставления и пр.) для всей армии; пошел ропот на солдатчину; я написал **особую книжку**, и она принята, напечатана в Департаменте военных поселений и разослана во все казачьи войска»⁶. Таким образом, сочинение В.И. Даля было вызвано реакцией казаков на некую книгу, которая покушалась на «особость» и социальные привилегии казачества. Факты открытого неприятия солдат Уральскими казаками содержатся в книге Н. Фокина⁷. Перед военным губернатором встала задача создать новый текст, учитывающий ментальность оренбургского казачества. Было естественным поручить это дело человеку, имеющему способности к словесности.

Вычислить книгу, о которой упоминал Даль, среди изданий этой темы несложно: в 1835 г. была издана одна «Памятная книжка для нижних чинов гвардии и армии» (СПб., 1835), адресованная солдатам.

«Вопрос: Что есть солдат?

Ответ: Чтоб быть хорошим солдатом, немного надобно: люби Бога, Государя и Отечество; повинуйся слепо начальству; будь храбр и неустрашим в сражениях...»⁸

В письме к сестре В.И. Даль проговорил, что выбрал для своего сочинения «простой язык», но никак не высказался по поводу книги-предшественницы, послужившей образцом некоторых его рассуждений. Из этой книги он взял вопросно-ответную форму изложения, тематические разделы: что такое знамя, кто таков часовой, что такое военные артикулы и т. д. Процитированный выше фрагмент «Что есть солдат?» Даль убрал, заменив рассуждением на тему «Кто таков рядовой казак?», и сделал это с учетом настроений казачества: «Рядовой казак — это тот же солдат, воин Государев <...> А ныне звание казачье Государь благословил почтить и возвысить, даровать казакам всех казачьих войск атамана царской крови: самого Государя Цесаревича, Наследника Царского Престола Александра Николаевича, да сохранит Господь Бог здравие и благодать его на многие лета!»⁹. Сходство двух книг проявляется на лексическом уровне. Возьмем материал раздела «Что есть знамя» из книги для нижних чинов гвардии и армии: «Знамя есть *священная хоругвь*, под которою соединяются *верные своему долгу воины*. Знамя — *святыня*, слава, *честь* и жизнь служащих. Честный, храбрый солдат, — умрет в

⁴ ОР РНБ. Ф.571. Ед.хр. 13. С. 65.

⁵ Цит. по кн.: Матвиевская, Прокофьева, Зубкова, Прокофьева 2011, 26.

⁶ Даль 2002, 470.

⁷ Некоторые факты противостояния солдат и казаков, касающиеся середины XIX века, приведены в работе Н. Фокина (Фокин 2010, 126, 128).

⁸ ПК, 5.

⁹ Даль 2002, 97-98.

руках со знаменем, а не даст его на *поружение неприятелю*; ибо знамя заключает в себе все священные драгоценности наши: *Веру, Государя и Отечество!*»¹⁰. В книге В. И. Даля, обращаясь к казакам, эта идея изложена следующим образом: «Знамя – *хоругвь* или стяг. Это вещь великая, *святая*. К знамени своему стекаются *верные воины*, в нем вся *честь* и слава их. Знамя – символ, или представитель *веры нашей, Государя и Отечества*; за него клади живот свой и не давай честного знамени своего на *поружение неприятелю*»¹¹. Видно, что при переработке материала В. И. Даль использует синонимические замены: «умрет в руках со знаменем» на «за него клади живот свой»; «заключает в себе все священные драгоценности наши» на «в нем вся *честь* и слава их». Слово «солдат» он полностью исключил, хотя перенес в свою книгу примеры героического подвига прапорщика Щегловитова, рядовых Пичугина и Лазарева.

В. И. Даль неоднократно признавался, что его работа завершилась успешно. Сестре в Москву он писал: «Памятная книжка моя, о которой ты спрашиваешь, удостоилась полного Высочайшего одобрения и распространена во все казачьи войска (4 июня 1836)¹². Пересылая ей напечатанную книгу, поделился: «Посылаю тебе, при открывшемся случае, книжечку мою, которая, наконец, вышла. Кой-что выкинуто, но, спасибо, ничего не переменили. Она разослана во все казачьи войска» (4 августа 1837)¹³. Автор остался доволен своей работой. Доволен тем, что его пристрастие к писательскому труду оказалось востребовано. В письме к М. П. Погодину В. И. Даль пишет следующее:

«№ В. Это последнее — полезнейшее и, может быть, самое лучшее, что я написал» (2 декабря 1840)¹⁴. Такая эмоциональная и явно завышенная оценка этой работы объясняется историей развития писательства. Время еще сохраняло идею необходимой связи писательского труда и «общественной пользы». Идея эта была жива в творческом самосознании В. И. Даля.

На сочинение появились хвалебные отклики в периодической печати: «Мы с величайшим удовольствием прочли присланную нам недавно из Оренбурга «Памятную книжку для Императорских казачьих войск», писанную, как слышно, по поручению начальства одним из лучших наших литераторов, живущих в том краю. Простота и народность языка, коим объясняются в ней важнейшие нравственные и служебные обязанности казака как человека и русского воина, обличают талант высокий, постигший искусство говорить понятно русскому необразованному человеку»¹⁵. По завершении своего труда, перед Далем открылись новые творческие перспективы: «Поручено мне написать еще нечто подобное». Ему захотелось облечь дидактические высказывания в художественную форму: «Это мне очень приятно; и это занятие, за которое я взялся бы охотно и с большим чувством самоуверенности; в этом роде я могу быть полезен». Вскоре появились нравоучительные повести «Солдатские досуги» (1843), через десять лет, по поручению Константина Николаевича, — «Матросские досуги» (1853). Так, писатель обратился к написанию сборников открытой идеологической и дидак-

¹⁰ ПК, 14.

¹¹ Даль 2002, 94.

¹² Цит. по кн.: Матвиевская, Прокофьева, Зубкова, Прокофьева 2011, 27.

¹³ Цит. по кн.: Матвиевская, Прокофьева, Зубкова, Прокофьева 2011, 32.

¹⁴ Даль 2002, 470.

¹⁵ Даль 2002, 470.

тической нагрузки. Исследователь Оренбургского края Н. Модестов дал этим его работам следующую характеристику: «Образцы вполне научного и в то же время до крайней степени популярного изложения высоких научных истин». Эти книги были ответом «на возникший в тридцатых годах прошлого столетия вопрос о том, что читать русскому человеку низших слоев общества»¹⁶. С точки зрения истории авторства, В. И. Даль продолжил в русской литературе сочинительство произведений для народной пользы. Подтверждая свою политическую благонадежность, в автобиографической записке 1841 года он перечислит один из сборников как пример искреннего «повиновения»: «Если угодно обратить внимание на «Памятную книжку для Императорских казачьих войск», написанную мною по поручению оренбургского военного губернатора и удостоенную Высочайшего одобрения; если угодно взглянуть на «Солдатские досуги», написанную мною по собственному побуждению, то, может быть, согласятся, что тот, кто написал книжки эти, должен быть глубоко проникнут истиною изложенных начал безответного повиновения Богом данному Государю: иначе этот простой народный язык едва ли бы стал убедительным и ясным»¹⁷.

Прояснить восприятие книги В. И. Даля оренбургским казачеством нам помогут записки казака Николая Васильевича Агапова (р. 1821 — ум. после февраля 1898 г.). Записки создавались, как это часто бывает, на склоне жизни. С точки зрения психологии, автобиографическая память такого типа призвана «обеспечить преемственность» поколений, «организовать «поле возможностей» для потомков», в них автор стремится передать накопленные «ценности и знания»¹⁸. Биография служивого казака не обещала любви к литературному труду. Его брат, Василий Васильевич Агапов, генерал-майор, советник оренбургского губернского правления и атаман 3-го отдела Оренбургского войска, представляя рукопись краеведу и историку казачества С. Н. Севастьянову, писал об авторе следующее: «Николай Васильевич как-то не <охоч> к грамоте и упражнялся на вольной волюшке в бо<дфк> <лазаньи по деревьям, в беганьи на перегонки>, <езде> на баранах, козлах и <лошадях>. <нрзб>, чушки, бабки и проч. Зато он вышел бойцом и с врагами. Большую часть своей службы провел в степи и постоянно с боевыми отличиями. Все чины и ордена получил с бою. Иначе как бы он, полуграмотный, без образования, мог дослужиться до чина подполковника?»¹⁹. Записывать свои воспоминания старый казак Николай Агапов, возможно, взялся по его просьбе, ему он высылал свои законченные тетради. В свою очередь Василий Васильевич Агапов просил историка С. Н. Севастьянова подготовить рукопись к печати: «Посылая Вам рассказы старого воина, брата моего, подполковника Николая Васильевича Агапова, прошу Вас когда-нибудь на досуге прочесть их и, если позволит время, проредактировать. Можно даже кое-что неподходящее исключить» (12 января 1898 г.)²⁰. Письмо позволяет думать, что для советника Оренбургского губернского правления Василия Агапова ценность текста изначально выходила за рамки семейной письменности. Он считал необходимым представить записки всему казачьему сообществу: «Все это для военного сборника, куда, потом, и по-

¹⁶ Модестов 1913, 64.

¹⁷ Даль 2002, 469.

¹⁸ Нуркова 2000, 64-65.

¹⁹ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 328.

²⁰ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 328.

шлем» (12 января 1898 года)²¹. По всей вероятности, в судьбе старшего брата Василия Васильевича видел высочайшие ценности казачьей ментальности, о которых самое время было напомнить. В письме к краеведу Василий Агапов проговорил несколько важных для себя тем, связанных с возможной публикацией: «Немного найдется у нас таких вояк, и было бы желательно хоть об одном передать читающей публике славу и гордость казацкой <семьи>, не в одних только гражданских заслугах, <дфк> в ратном поле с врагами земли русской»²². Действительно, записки Николая Агапова почти не содержат воспоминаний о личной жизни, семье и детях. В центре — становление личности молодого казака, природа его героизма, смекалности, тема верности долгу и преданности государю и Отечеству.

С 1837 г. книга В. И. Даля распространялась среди оренбургских казаков. В 1840 г. состоялась первая военная командировка Николая Васильевича Агапова к «управителю Средней части орды». Одна из ведущих тем его рассуждений — тема верности воинской присяге, хотя сам ритуал принятия присяги в записки не включен²³.

В записках Агапова, человека, воспитанного «в строго религиозной» семье, присяга функционирует в сакральном поле ценностей. Для него она сродни «родительскому святому благословению», которое всегда свято чтилось, а исполнение считалось основой всякого успеха. Человек, нарушающий родительские наказания, оказывался без судьбы. В этом поле жизненных ценностей и возникает тема присяги. Николай Агапов так отвечает своему начальнику на предложение продать коня: «Я дорожу завещанием своего дорогого родителя, я запечатал в сердце моем его слова равно как данную мне присягу»²⁴.

Исторически присяга более позднее явление, она «выступает носителем юридического отношения, это форма клятвы, приносимая государству или его институтам»²⁵. С историко-культурной точки зрения, клятва как «ритуальное действие средневековой религиозной культуры» дополнилась в присяге новым смыслом, регулирующим отношение человека с государством.

В обеих книгах, изданных для нижних чинов, присяга — религиозно-правовой акт: «клятва, обещание, которое возносится из уст человека прямо к Богу» (В. И. Даль); «клятва, данная пред лицом Божиим на кресте Спасителя и на святом его Евангелии» («Памятная книжка для нижних чинов гвардии и армии»). Средневековый смысл клятвы дополнился в них государственной идеологией: «казак, вступая на службу из малолетков» дает присягу «Богу и Государю» (В. И. Даль); «служить Богу и Государю верою и правдою» («Памятная книжка для нижних чинов гвардии и армии»). Так проходил процесс создания института государствен-

²¹ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 328.

²² Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 328.

²³ Ритуал присяги Уральского казачьего войска см. Фокин 2010, 203.

Безусловно, можно предположить, что высказывания этой темы должны быть самыми распространенными в воспоминаниях воинов. Между тем, это оказалось не так. Приблизительно в это время были напечатаны «Отрывки из прошлого Уральского войска. Из записок полковника А. Л. Гуляева» (Уральск, 1895), где эта тема возникает только один раз: «Поступай ко мне — твоему государю на службу», — сказал грозно Пугачев.

— Один раб двум царям не служит, — смело ответил Алексей. — Я присягал императрице Екатерине и тебя не признаю за своего государя, — сказал Алексей (Гуляев 1895, 8).

²⁴ Записки Н. В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков 2013, 11.

²⁵ Орехов, <http://www.aquarun.ru/psih/relig/relig6.html>

ной регуляции поведения воина, с учетом ситуации, при которой церковь являлась господствующим институтом воздействия на мировоззрение народа. Неслучайны в разделе «Что такое присяга?» напоминания казакам и солдатам, перешедшие из средневековой воинской культуры: «На том свете душа нужна. А кто присягал на одно, а делает другое, не будет прав и перед Богом» (В. И. Даль); «Нет пощады подлому беглецу ни на белом свете, ни на страшном суде Божиим» («Памятная книжка для нижний чинов гвардии и армии»).

При чтении записок казака Агапова мы имеем возможность наблюдать, как оформление сакрального характера присяги способствует регулированию сложнейших ситуаций в походной жизни. В одних эпизодах присяга функционирует как «божба» как безусловное свидетельство и доказательство чистоты помыслов казака в противоречивых обстоятельствах.

«Лошади чуть едва тащились с усталости и чуть, сутки не пивши, отошли от места верст десять, встречаются десять казаков, отсталых во время погони. Я спешил и во фронт, поздоровавшись, спросил:

— Вы принимали присягу и помните, что там сказано?

— Помним, Ваше благородие.

— Почему же вы не хотели со мной ехать, а отстали? Вы должны поступать по долгу принятой вами присяги.

— Рады бы с вами умереть, да лошади у нас задохлись»²⁶.

Агапов принимает объяснение отставших казаков, не сомневаясь в правдивости и искренности их слов. В записках есть эпизоды, когда перед Агаповым встает необходимость принятия быстрого решения. Здесь присяга способствует безусловному объединению казаков, определяет единый порыв храбрости:

«Я встал и разбудил всех, приказываю им:

— Не робеть, помня присягу, берись за оружие!»²⁷.

О присяге вспоминал Агапов в ситуации своего искушения, чтобы обрести внутреннее успокоение и не допустить «смущения духа»: «Я доволен деньгами и наградой от своего государя, от вас получить ничего не могу, это вам годится, ваше – будь у вас, а мое – у меня. На то присяга»²⁸. Послушание — одно из главных качеств «исправного казака» в книге нравственных правил В. И. Даля и важнейшая черта в поведении Николая Васильевича: «Как мы, полковник, по Вашему приказанию и по назначению должны исполнять без ропта, куда Вам будет угодно, служба одинакова»²⁹. Присяга определяла меру свободы казака в условиях постоянных военных походов: «Надеюсь, что он не откажет. А вы, господа, гордитесь тем, что на нас начальство надеется, и поэтому мы должны исполнять распоряжения всякого рода по долгу принятой нами присяги»³⁰.

В книге для нижних казачьих чинов В. И. Даль особо останавливается на прописывании правил поведения казака в случае, если ему придется быть свидетелем при дознании: «Не менее того со страхом и великою правдою присягай, коли начальство требует тебя в свидетели: что видел, что знаешь – говори; чего не знаешь,

²⁶ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 33.

²⁷ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 61.

²⁸ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 88.

²⁹ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 28.

³⁰ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 34.

не видал — не говори»³¹. Эта сторона нравственных обязанностей воина помогла выстроить открытый диалог внутри казачьей общины: «Ну, есаул, как ты с командой ездил в аул? Нам послушать угодно, расскажи все нам подробно с начала и до конца и как выручили сотника Алабужина-молодца (он вас, я думаю, ожидал как родного отца) и всю его команду, и по долгу присяги скажи же всю правду»³². Сакральный смысл присяги ярко проявляется в эпизоде выяснения «истинных» обстоятельств на поле сражений: «По прибытии взвода на назначенное место полковник Соколов допросил прежде урядников, потом казаков и после двух киргиз, всех под присягою, по одиночке: как было дело и сколько было хивинцев»³³. В записки вошел сюжет, в котором Агапов под давлением со стороны начальства не нарушил присягу, хотя ему было велено сказать больным:

«На это был согласен, что сотню сдать могу, а подать рапорт о болезни никак нельзя.

— Почему же так?

— А потому что я принял присягу служить верой, правдой, а Вы мне предлагаете изменить присягу и быть преступником Богу и великому государю.

— Боже мой, да если я Вам дам предписание о сдаче сотни.

— Только с разрешения военного губернатора.

— Но тогда ведь Вы не получите никакой части, кроме субалтерн-офицера, а эта Ваша сдача не более как на одну неделю и опять примите свое начальство над сотнею. Согласны?

— Нет, полковник, мне присяга всего дороже»³⁴.

Агапов подробно описывает все обстоятельства происходящего:

«Тут вся комиссия начала меня уговаривать в подании о болезни рапорта.

— Я страшусь этого, Вы же можете меня изменником божественной присяги.

— Мы божимся Всевышним Богом, что это не от Вас самих зависит, а требует от Вас начальство»³⁵. По всей вероятности, эта история серьезно беспокоила Агапова и в старости, хотя он и «остался во всех отношениях правым», а многие угодили под суд.

Походная жизнь оренбургского казака требовала от него не только воинского героизма. Служба в степи провоцировала неординарные психологические ситуации, требовала особой уверенности в отношениях с рядовыми казаками, вышестоящими по званию, ордынцами и пр. Среди документов регламентирующих нравственную жизнь и службу оренбургских казаков — «Памятная книжка для казачьих войск» В. И. Даля. Написанная по поручению губернатора, она нашла своих единомышленников и способствовала укреплению внутреннего мира казака в его непростом диалоге с жизнью, с Богом и Государем.

ЛИТЕРАТУРА

Глинкин А. В., Лазарев А. И. 1996: Песни оренбургских казаков. Челябинск.

Годовова Е. В. 2007: Оренбургское казачье войско в 1798-1865 годах. Самара.

³¹ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 94.

³² Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 91.

³³ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 54.

³⁴ Филиппова, Годовова, Моисеева 2013, 91.

³⁵ Записки Н. В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков 2013, 91.

- Гуляев А. Л.* 1895: Отрывки из прошлого Уральского войска. Из записок полковника А. Л. Гуляева. Уральск.
- Иванов А.* 2012: Увидеть русский бунт. М.
- Матвиевская Г. П., Прокофьева А. Г., Зубова И. К., Прокофьева В. Ю.* 2011: Жизнь и творчество В. И. Даля в Оренбурге. Оренбург.
- Модестов Н.* 1913: В. И. Даль в Оренбурге. Исторический очерк. Оренбург.
- Матвиевская Г. П., Прокофьева А. Г., Зубова И. К., Прокофьева В. Ю.* (ред.) 2002: Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. Оренбург.
- Нуркова В. В.* 2000: Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти. М.
- Орехов С. И.* 1989: Клятва и проклятие как элементы религиозного культа// Отношение человека к иррациональному. Сборник. Свердловск. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.aquagun.ru/psih/relig/relig6.html>
- Памятная книжка для нижних чинов гвардии и армии 1835. СПб.
- Филиппова И. А., Годовова Е. В., Моисеева С. А.* (ред.) 2013: Записки Н. В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков. Оренбург.
- Фокин Н.* 2010: Уральск православный. Уральск.

V. I. DAL AND ORENBURG COSSACKS (THE ISSUE OF MENTALITY SHAPING)

T. I. Rozhkova

The notes of Cossack N. V. Agapov examined within the framework of government reforms in Orenburg area make it possible to develop the idea of V. I. Dal's activity as the governor's ad hoc officer. The notes supply conclusive evidence that V. I. Dal's book was approved by the Cossacks and fostered Cossack military culture.

Key words: the Orenburg Cossack Army, V. I. Dal, N. V. Agapov, social rules, oath of allegiance, 'naïve' letter

© 2013

О. В. Рвачева

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ. ПОПЫТКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАЗАЧЬЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Процесс казачьего возрождения, начавшийся в к. 1980-х гг., по замыслу его участников должен был восстановить культурную среду казаков. Однако воспоминания о «золотом веке» казачьей истории, объединявшие тех, кто желал возрождения казачества, расходились с историей. Попытки же воплощения культурных традиций и форм в современных условиях конца XX — начала XXI в. приводили к искажению социокультурной системы.

Рвачева Ольга Владимировна — старший научный сотрудник Южного научного центра РАН, доцент кафедры истории и теории политики Волгоградского филиала РАНХиГС. E-mail: olgarvacheva@mail.ru